

Петр Немировский

ДЖЕН

Повесть

Глава 1

— Вот ваш кабинет, входите, — сказал заведующий психиатрической клиникой, пропуская меня вперед. — Телефон, компьютер, два кресла: одно для вас, другое для пациента. Если хотите, Виктор, можете переставить стол в другое место, как вам удобно. Но только так, чтобы вам в случае ЧП был свободен доступ к двери, чтобы пациент не смог вам заблокировать выход. Кстати, в столе внизу, вот здесь, видите, имеется кнопка тревожной сигнализации. Не забудьте проверить, работает ли она. У нас здесь, в общем, безопасно, но все-таки меры предосторожности надо соблюдать. Психиатрическая клиника — нужно быть готовым ко всему.

— Да-да, понимаю. Я ведь не новичок, уже имею небольшой опыт в этой области: год работал в амбулаторной клинике в Гарлеме, а прошлую интернатуру проходил в психиатрическом отделении госпиталя «Линкольн», повидал и там кое-что, — ответил я, осматривая свой новый кабинет, где мне предстояло работать целый год.

Я снял телефонную трубку, чтобы убедиться, что телефон подключен; затем выдвинул и задвинул обратно верхний ящик стола.

— Ручки, папки, короче, всю канцелярию возьмете у секретарши, — сказал заведующий.

— Спасибо, — поблагодарил я, садясь в черное кресло с высокой спинкой. Нажал рычажок под сиденьем, чтобы отрегулировать высоту.

— Вы уже готовы принимать пациентов? — пошутил заведующий.

Неожиданно дверь распахнулась, и в кабинет вошла...

— Виктор, разрешите вам представить миссис Дженнифер Леви. Она будет вашим супервайзером в течение года, — сказал заведующий.

Я поднялся и шагнул навстречу вошедшей женщине — невысокой, в белом врачебном халате, в красной шляпке, из-под которой струились невероятной красоты черные волосы. На вид ей было около сорока трех. Я протянул руку, тут же усомнившись, правильно ли сделал, — может ли незнакомый мужчина, не еврей, пожимать руку ортодоксальной еврейке? Но пожатие состоялось, ее маленькая ручка нырнула в мою ладонь и мгновенно оттуда выскользнула.

— Дженнифер — психотерапевт с многолетним стажем. Не сомневаюсь, что вы с ней сработаетесь и наберетесь у нее ценного опыта, — сказал заведующий.

— Конечно, сработаемся. Да, Виктор? И называйте меня просто — Джен.

Так начались моя последняя интернатура и последний год учебы в Институте гуманитарных наук.

Нужно заметить, что я уже имел диплом по специальности «маркетинг и бизнес-администрирование», окончив когда-то институт в Москве. Даже успел несколько лет поработать в отделе маркетинга крупной фирмы в Москве. Хотя всегда знал, что бизнес и маркетинг — не мое призвание.

Жена моя была кандидатом наук по биологии. Ее пригласили в лабораторию Колумбийского университета, пообещав добиться для нас обоих сперва рабочих виз, а потом и гринкарт. После долгих колебаний я согласился.

Очутившись в Нью-Йорке, жена с утра до вечера работала в лаборатории, потрошила там подопытных кроликов и крыс, изучая генные мутации. Я же безуспешно искал себе применение то в фирмах по продаже недвижимости, то в рекламных агентствах. Зарабатывал гроши. Семейная жизнь из-за этого разладилась, и мы развелись.

Помню, в день после развода меня охватило странное безразличие. Словно из

жизни выдернули какую-то ниточку и разошелся шовчик. И теперь этот шовчик будет расползаться невероятно быстро.

О, надо, надо было остаться одному, чтобы гром грянул и я наконец проснулся! Довольно же себе морочить голову, думал я. Нужно вернуться в Россию. В Москву! В Москву! Там — родные, приятели, квартира. Все знакомо, все свое...

Вечером я выдул бутылку водки и пустился бродить по Манхэттену. Не помню, как очутился возле Нью-Йоркского института гуманитарных наук. Перед зданием тянулась березовая аллея, неподалеку возвышался величественный собор святых апостолов Петра и Павла. Это место мне всегда чем-то напоминало Москву. Даже небо в рваных серых тучах в тот вечер было московским. Ну и водка тоже усилила такое впечатление.

Большими золотистыми буквами на белой мраморной доске, висевшей на стене здания, были начертаны названия наук, которые в этом институте изучают: «Право. Богословие. Психология и психотерапия».

Я попросил у прохожего сигарету. Курил и смотрел, как из дверей здания выходят студенты. Должно быть, только что закончился последний класс. Одни спешили к станции метро. Другие шли вместе с преподавателями, наверняка жаловались на обстоятельства личной жизни, которые помешали им подготовиться к экзамену.

Мне на миг почудилось, что я вернулся в свои студенческие годы...

Сколько раз я проходил мимо этого здания? Раз сто, не меньше. Куда же глаза мои смотрели до сих пор?!

...Учебная программа была рассчитана на четыре года, но я решил поднапрячься и в усиленном режиме закончить за три. В рамках программы обязательным было и прохождение интернатуры в различных психиатрических лечебницах. Чтобы сэкономить время и силы, я оставил работу, снял крохотную

квартирку на окраине города и жил в долг, взяв в банке крупную ссуду.

На сей раз я не ошибся: за два года ни разу не пожалел, что сделал этот выбор, решив стать психотерапевтом.

Вот, собственно, короткая предыстория моего появления в амбулаторной психиатрической клинике госпиталя «Новый Свет».

Глава 2

Итак, «просто» Джен.

Она была чрезвычайно обаятельна и фигуриста. При этом еще и умна. В клинике ходила в обычной одежде, как все сотрудники, а ее белый врачебный халат висел на вешалке — на случай, если нужно было идти в «Психиатрическую скорую» или психбольницу.

Будучи еврейкой, исповедующей, если не ошибаюсь, иудаизм консервативного (умеренного) толка, на работе она никак не афишировала свою религиозность. Единственное, что выдавало в Джен иудейку, — это шляпка, которую она никогда не снимала.

В ее кабинете тоже все было строго профессионально. Исключением, выбивающимся из врачебного антуража, была висевшая на стене небольшая репродукция известной картины Дега «Прима-балерина на сцене». Из чего можно было заключить о пристрастии Джен либо к живописи Дега, либо к балету.

Ее простота в общении, открытость были маской, вернее, профессиональным стилем. Как зимнее солнце, доктор Дженнифер дарила свою милую улыбку и коллегам, и пациентам. Но если требовала ситуация, Джен умела и хмуриться, и сокрушенно вздыхать. Я не мог понять, когда она остается безразличной, лишь мастерски изображая эти чувства, а когда в самом деле сопереживает.

Весь этот набор технических средств в полной мере она применяла и ко мне.

Раз в неделю в своем кабинете она выслушивала мои комментарии о проведенных сессиях, и мы вместе разбирали дела больных. Обычно в это время Джен внимательно рассматривала свой маникюр, свое лицо в зеркальце, разговаривала по телефону со своими родственниками. Частенько наши беседы прерывал визитами... Марк Шварц — заведующий отделением отоларингологии, которое находилось на пятом этаже в том же корпусе, что и наше.

Я знакомился с пациентами. Вникал в работу сложного механизма, каковым является крупный нью-йоркский госпиталь, и... каждый раз боролся с собой при виде упругих икр и ажурной шляпки Джен.

Несколько раз, когда она собиралась на ланч, полусуто предлагал ей свою компанию, а однажды, как бы невзначай, обмолвился, что собираюсь в кино. Мои попытки ухаживания были отклонены с самой уничижительной вежливостью.

Каким-то новым, доселе неведомым ветром дохнуло и овеяло мою душу, когда в своем кабинете я впервые увидел ее умные, страстные, чуточку лукавые глаза, ее ниспадающие на плечи черные, отливающие вороньим крылом волосы. Этот неведомый ветер дул с той минуты непрерывно, дул со всех четырех сторон света...

Но... Было слишком много «но», чтобы на что-то рассчитывать. Джен была старше меня на одиннадцать лет: в действительности ей было не сорок, как мне вначале показалось, а сорок восемь. Она — ортодоксальная еврейка, рожденная в Америке. У нее свой дом в престижном районе Вильямсбург. Имеет экс-мужа и двоих детей.

А я — русский, православный. Студент. Снимаю дешевенькую квартирку в неблагополучном районе Нью-Йорка.

Ну и если даже отбросить все эти «но», удалить их на минутку по мановению волшебной палочки, то останется еще одно, неудаляемое «но» — зав отделением отоларингологии Марк Шварц, которого назвать бой-френдом Джен как-то несподручно, учитывая его почтенный возраст — 62! Поэтому назовем его по старинке — любовником. (Кстати, он был женат.)

И тем не менее... Что-то светилось в глазах Джен, какой-то огонек мерцал, что-то произнесенное оставалось в ее словах... Так мне казалось.

В оговоренный для супервизии день я особенно тщательно брился и приводил себя в полный ажур. Не шел — летел по коридору в ее кабинет, утешая себя мыслью, что и Джен тоже с нетерпением ждет моего появления.

Глава 3

— Это несправедливо, Джен. Вы знаете обо мне уже немало: из какой я семьи, какого роду-племени. Знаете, что когда-то я окончил в Москве институт, что два года назад развелся. А вот о себе вы ничего мне не рассказываете. Получается игра в одни ворота, — однажды возмутился я.

Доля правды в этих словах была. Джен явно испытывала ко мне интерес: на наших супервизиях все больше времени мы уделяли темам, к психиатрии не относящимся.

Но она по-прежнему оставалась для меня солнцем, сияющим над вечной мерзлотой. Правда, в наших отношениях со временем стало гораздо меньше натянутости. В кабинете, оставаясь со мной наедине, Джен легко сбрасывала с головы свою «религиозную» шляпку.

Мне нравился этот ее жест доверия и раскованности, однако дальше шляпки дело не шло. Я оставался в роли ее тайного воздыхателя-интерна, какие у нее были до меня и наверняка будут после.

Из ее телефонных разговоров и некоторых коротких комментариев я понял, что с мужем она давно в разводе, но какие-то отношения, связанные с детьми и финансами, у них сохраняются. Ее сын недавно окончил школу и учится в колледже, старшая дочка замужем, работает программистом. Еще Джен состояла в какой-то еврейской благотворительной организации, помогавшей жертвам Холокоста. Вот, пожалуй, и все, что я о ней знал. Ах да, еще этот Шварц, будь он не ладен.

— Что же вы хотите обо мне знать? — спросила она.

— К примеру, вы никогда не говорили мне об этой репродукции. Почему она в вашем кабинете? — я указал на висевшую на стене репродукцию картины Дега «Прима-балерина».

— Вы хотите знать только это? Такую мелочь? — в голосе Джен прозвучали нотки разочарования.

— Иногда какая-нибудь мелочь может рассказать о человеке гораздо больше, чем вся его биография.

— Хм-м... — она отложила пилочку для ногтей, устремив долгий взгляд на репродукцию. — Не знаю, право, что в этой истории интересного. Ну что ж... Сколько себя помню, я обожала балет, обожала. Добилась от родителей, чтобы они разрешили мне заниматься в профессиональной балетной студии. С родителями из-за этого у меня были постоянные скандалы. Для них ведь — позор: девочка из ортодоксальной еврейской семьи, вместо того чтобы надеть длинную юбку, изучать Тору и помогать маме по хозяйству, раздевается почти догола и всему миру показывает свои ноги и «тухес». Знаете, что означает на идиш «а никейве»? Да-да, то самое — гуляющая женщина, шлюха. Родители всегда ставили мне в пример старшую сестру Сару, которая была очень правильной девочкой. Эта война в семье тянулась годы. Но в шестнадцать лет я уже танцевала первые роли, а в семнадцать получила специальный приз на нью-йоркском фестивале молодежных

балетных студий за исполнение роли Одетты в «Лебедином озере». Я поступила в Институт балетного танца, но... — Джен, грустно улыбнувшись, умолкла.

— Вас выдали замуж против вашей воли, а муж оказался бесчувственным чурбаном, ничего не понимающим в искусстве. И на этом ваша карьера танцовщицы закончилась, да? — предположил я.

— Нет. Мой муж действительно ничего не понимал в искусстве, но в то время это для меня не имело значения. Он был ортопедом, и если бы не он, я бы на всю жизнь осталась инвалидом. Я попала в автомобильную аварию. Слава богу, осталась жива, отделалась несколькими серьезными переломами. После этого я никогда не сажусь за руль... Вот и вся история. Ничего интересного, я же предупреждала... — она бросила на меня испытующий взгляд.

Сейчас передо мной сидела девочка из ортодоксальной еврейской семьи, когда-то возмечтавшая о танце и славе и ради этой мечты взбунтовавшаяся против всей родни и вековых традиций.

— Отчего же, очень даже интересно. И немного печально, — сказал я.

Ее глаза блеснули благодарно. Неожиданно, оттолкнувшись ногами от пола, она отъехала в кресле на колесиках в сторону так, что теперь была мне полностью видна.

— Самая тяжелая травма была вот здесь, — закинув ногу на ногу, она наклонилась и коснулась пальцами правой лодыжки, по которой пробегал ремешок ее туфли на высокой пробковой платформе.

Кстати сказать, эти ее туфли мне ужасно не нравились — на мой взгляд, пробковые платформы лишают женскую ногу стройности, огрубляют ее.

— Вот здесь вся кость была раздроблена, — она гладила свою ногу от ремешка туфли до колена, едва прикрытого краем платья. — Было наложено столько швов, что у нас обоих не хватит пальцев сосчитать их... Мистер Виктор! Хэл-лоу!

Я таращился на ее великолепные ноги с выразительно очерченными икрами, с трудом удерживаясь от соблазна их погладить.

— Надеюсь, я удовлетворила ваше любопытство? — не дожидаясь исхода этой борьбы, Джен отъехала обратно к столу. — Теперь вы знаете обо мне все самое важное.

Через несколько дней я шел в кабинет своей наставницы с папкой в руке. Нескопи профессиональных журнальных статей, а между ними был вложен лист белой бумаги, на котором...

— Это я? Ва-а-у!.. — она держала в руках мой рисунок. — Это же настоящий художественный эскиз! Спасибо, дорогой Виктор. У меня есть папка, где я храню благодарственные письма и открытки от своих интернов. Эта картинка будет там лежать на самом верху.

— Очень польщен.

— Хм-м, неужели я такая? — Джен подошла к окну, держа лист так, чтобы рисунок был лучше освещен.

На нем была изображена молоденькая девушка в балетной пачке, в «еврейской» шляпке с козырьком, сидящая на матах. Наклонившись, гладит свою ногу. Сходство юной танцовщицы и доктора Дженнифер Леви легко угадывалось. Некоторую карикатурность эскизу придавали громоздкие туфли на пробковой платформе вместо пуантов.

— Да, доктор, это именно вы. В образе Одетты из «Лебединого озера».

— Значит, Виктор, вы задумали сделать меня своей натурщицей? Я правильно разгадала ваше намерение?

— Ну-у, не совсем... Я просто хотел попробовать пару эскизов в манере Дега.

— Нет. Нет и нет.

Да, доктор, да...

Я любил рисовать, когда-то в отрочестве даже посещал студию рисования. Однако мои способности оказались слабы: я не умел работать ни с колоритом, ни с композицией. Единственное, что мне всегда хорошо давалось, что было моим коньком, — это рисунок тела, этюды простым черным карандашом.

— Виктор, это намек на мое прошлое? — спрашивала Джен, рассматривая новый эскиз, где девушка в балетной пачке выбегает из синагоги.

В ящике ее стола для моих рисунков уже была выделена специальная папка.

— Не знаю, доктор, это выплеск моего подсознания. Не могу объяснить рационально.

Порой Джен требовала прекратить эти занятия живописью. Заваливала меня сложными заданиями, скажем, просила подготовить подробную письменную презентацию дела больного или прочитав какую-то занудную статью в научном журнале. Я мчался из госпиталя в институт, оттуда — в библиотеку и сидел там до самого закрытия. Ел на ходу, что придется, засыпал в метро. А когда ехал на машине, то боялся уснуть за рулем.

И откуда, право, бралось столько сил?! Голод. Голод, либидо и жажда денег — вот три основных источника неумной человеческой энергии!

— По-моему, Виктор, живопись вас интересует больше, чем психотерапия. Быть может, вы должны всерьез подумать о том, правильно ли выбрали себе специальность.

— О'кей, доктор, подумаю, — бурчал я, передавая Джен новый этюд, на котором она была изображена сидящей на кушетке, небрежно прикрытая белым легким халатиком.

При всей строгости своего голоса она эти рисунки охотно принимала и, думаю, ждала новых с нетерпением. Одевалась на работу с еще большим вкусом и

изыском, чем раньше, причем ее одеяния уже определенно выбивались из рамок профессионального стиля. Постоянно меняла маникюр и педикюр, все сильнее пользовалась тушью и помадой. Нескончаемые наряды, туфли-лодочки и на высоченных шпильках, коралловые бусы, золотые цепочки, сбегające вниз под вырез платья, блестящие крапинки на веках, фейерверк шляпок...

Словом, психотерапевт Джен Леви вся сверкала и искрилась. Во время наших супервизий она теперь часто вставала, ходила по кабинету, то поливала цветы в вазонах, то разыскивала на полках какую-то книгу, при этом очень грациозно наклоняясь. Позировала.

Чего я больше никогда на ней не видел, так это туфель на пробковой платформе. Зато пару раз она надела высокие черные сапоги-чулки с широким раструбом у колен.

Ах, и дернул же меня черт! Всему виной эти ее сапоги...

— Виктор, я отдаю должное вашим талантам, — в этот раз голос Джен прозвучал действительно сурово. — Но как непосредственный руководитель вашей практики требую, чтобы занятия живописью закончились. Это зашло слишком далеко! Уж чересчур... И если с вашей стороны это еще простительно, ведь вы, извините, немножко балбес, то с моей стороны — никак. Вы оканчиваете институт, платите за учебу огромные деньги, тысяч сто, наверное, да? Ну вот видите. Как ваша супервайзер, я должна сделать все, чтобы от этой практики вы получили максимум профессиональных знаний. А вы вместо этого легкомысленно увлеклись художествами, и я невольно вам в этом потакаю.

Ее глаза гневно сверкали, на щеках выступил румянец. Она вернула мне очередной эскиз, где была изображена «ню» — в одних черных сапогах-чулках, стоящая спиной вполоборота, с расправленными большими крыльями. «Черный Лебедь».

Этот этюд уничтожить было жалко — удался на славу. Я повесил его у себя

дома на стене. Потом прилег на диван, закинув руки за голову.

Задумался о своей жизни, о прошлом, о родителях, с которыми давно не разговаривал, — они осуждали мой выбор стать психотерапевтом. Думал о своей бывшей жене и о Джен...

Пусто в этой маленькой, холодной квартире. Ветер на улице, зимний, промозглый ветер норовит проникнуть в каждую щелочку оконных рам. И батареи еле топят. Пусто. Развод с женой. Невозможность любви с Джен...

Прошлое, и настоящее, и будущее — все какое-то нереальное, иллюзорное. Живу, как подвешенный в воздухе...

С улицы сюда, в комнату, доносился вой и скулеж собак.

Почему-то припомнилось, как когда-то давно я съездил в Украину, где в одном небольшом местечке жили дальние родственники моей матери. Их дочка выходила замуж, и они пригласили нашу семью на свадьбу.

В том южном местечке было пыльно и зелено. И очень шумно. Почти как во времена Шолом-Алейхема. Массовая эмиграция советских евреев тогда только начиналась. Повсюду звучало русско-украинско-идишское наречие. Детишки в лужах пускали кораблики, над заборами нависали ветки со спелой черешней и абрикосами. Была свадьба, тоже шумная, с тамадой и клейзмерской музыкой.

У невесты была свидетельница по имени Люся, пригожая еврейская девчушка. Я много с Люсей танцевал. Потом мы с ней пошли прогуляться, мне нужно было освежиться после выпитого.

Люся повела меня к реке. На берегу стояла лодка с веслами. Подобное могло быть только в таком месте, где никто не боится, что украдут весла или лодку. Мы отплыли далеко, к излучине. Вся речка была в желтых лилиях.

Раздевшись до трусов, я нырнул с лодки. Срывал лилии и, не вылезая из воды, клал их на корму, рядом с Люсей. Люся уже вся была забрызгана, капли блестели

на ее смуглых руках. Потом я влез обратно в лодку, обнял Люсины круглые колени, стал их целовать...

В близости, однако, она мне отказала — была девушкой строгих местечковых правил.

На следующий день я уехал домой, в Москву. А моей маме и спустя полгода звонила ее родственница из того местечка, говорила, что Люся почему-то отказывает самым завидным женихам, еще, гляди, останется старой девой...

Припомнилась мне сейчас эта Люся. Быть может, по причине неуловимой связи с Джен. Ведь у Джен те же корни, уходящие в почву восточно-европейского местечка. Когда она разговаривала по телефону с раввинами или своими родственниками, в ее английской речи начинал явственно звучать акцент идиш. Даже ее мимика и жестикуляция в это время менялись.

Глава 4

Среди пациентов, с которыми я работал как психотерапевт, был некий Френсис Новак.

Френсис был молодым мужчиной двадцати двух лет; его отец — поляк, мать — пуэрториканка. Родители Френсиса развелись, когда ему было девять лет. Местонахождение отца с тех пор оставалось неизвестным. Френсис имел неполное (одиннадцать классов) школьное образование, не владел никакой специальностью. Он жил в одном приюте в Бруклине, а его мать с младшей сестрой — в другом приюте. Женат Френсис никогда не был, детей не имел.

Полгода назад он был арестован за участие в квартирной краже. Во время уголовного разбирательства у следователей возникли вопросы относительно

психической адекватности Френсиса. Парня направили на специальную медкомиссию, где пытались понять причины его столь странного поведения: почему он нигде не работает, не учится, живет непонятно как. Медкомиссия пришла к заключению, что у Френсиса есть какое-то нарушение психики, не позволяющее ему социально адаптироваться. Но какое именно — так и не установили. Отделались «депрессией средней тяжести» и с этим диагнозом отправили в суд, где рассматриваются дела подсудимых с психиатрическими нарушениями.

За участие в квартирной краже Френсиса приговорили к году условно. Но судья согласился, что у парня «есть проблема», поэтому государству следует взять над ним опеку. Френсису предложили пособие по безработице, пообещали поставить на очередь на субсидированную квартиру. За это он должен был посещать нашу психиатрическую амбулаторную клинику. На такие условия Френсис согласился, хотя больным себя не считал.

Родным языком Френсиса был английский, вторым — испанский. В его лице не было ничего славянского, хоть его отец и был поляком и сын носил польскую фамилию. На вид парень был чистокровным латиноамериканцем.

Худоба, близкая к истощению. Чудовищная бледность лица, в которое, как в гипсовую маску, воткнуты черные пуговицы-глаза. Коротко остриженные темные волосы, черная жесткая бородка на узком подбородке и черные усики еще больше подчеркивали эту бледность. Взгляд — совершенно отрешенный. Во всем облике — какое-то отчаяние, затравленность.

Так бы я начал описывать наружность Френсиса. Вся одежда на нем болталась, старые широкие джинсы он носил приспущенными ниже пояса, шнурки кроссовок всегда были развязаны. Ходил Френсис очень странно: засунув руки в передние карманы джинсов, широченным шагом, раскачиваясь из стороны в сторону всем корпусом. Будто на шарнирах. Во время сессий он никогда не

смотрел мне в глаза, а куда-то в угол потолка.

Не знаю, как он проводил свободное время до нашего знакомства. Когда мы познакомились, Френсис серьезно готовился... вступить в молодежную уличную банду. Я об этом узнал, когда спросил его, почему он носит футболки с изображениями пистолетов, черепов, молний и так далее.

— Ты что, член банды?

— Почти что... — пробормотал он.

Оказалось, что в банду он еще не вступил. Но собирается. Пока решает в какую.

— Скорее всего, вступлю в «Латин Кингз». Сегодня это самая сильная банда в Америке.

Latin Kings — действительно одна из самых крупных молодежных банд в США. Ее «главный офис» находится в Чикаго, а в Нью-Йорке «филиал». В основном в нее входят латиноамериканцы, но есть и белые, и чернокожие. Количество членов исчисляется не в десятках, а сотнях тысяч. Это целая армия со своей идеологией ненависти к «государству белых миллионеров», со своим «Манифестом» и многоступенчатой иерархией. На нижней ступеньке стоят «уличные рыцари», а на верхней — главари движения, Короли. Сегодня им принадлежит власть на улицах многих американских городов и в тюрьмах среди заключенных. А завтра они захватят политическую власть в стране.

— Очень интересно. Не пойму, однако, что в этой банде нужно тебе? — спросил я, после того как Френсис изложил мне все эти сведения о Latin Kings.

— Что нужно мне? Там у них порядок, справедливость, братство. Может, когда-нибудь я там стану Королем, — снова устремив отрешенный взгляд в потолок, он принялся рассказывать о ритуалах этой банды, об истории ее возникновения, о ее Королях, словом, всю информацию, которую он

добросовестно почерпнул из различных источников, включая улицу и Интернет.

С того дня мы нашли с ним излюбленную тему для наших бесед.

Я, конечно, догадывался, что в банде Френсиса привлекает не жестокость и насилие. Его влекло обманчивое впечатление братства, дружбы, любви — того, чего ему так не хватало в своей жизни.

Я был уверен в том, что ни в какую банду он никогда не вступит, все это он придумал себе, чтобы заполнить пустоту своего существования. Парень изображает из себя крутого мачо. В своем воображении видит себя среди «хороших, добрых» убийц, напридумывал себе бог весть что. Миф о своем мнимом могуществе помогает ему заглушить чувство собственной ничтожности.

Однако порой он так оживленно рассказывал о своем бандитском будущем и о былых уголовных похождениях, так сверкали его глаза в эти минуты, что я, признаюсь, начинал теряться в сомнениях. Может, он и в самом деле хочет стать бандитом? Ведь участвовал же он в квартирной краже, и кто знает, какую роль в этом преступлении исполнял?

— Ты хочешь стать бандитом? О'кей. Но давай попробуем посмотреть на ситуацию под другим углом, — предлагал я. — Может, все-таки имеет смысл заняться чем-то другим? Может, лучше пойти в колледж? Ты же не глупый парень. Выучишься на программиста, потом устроишься на работу, купишь классную тачку, поедешь с герлфренд отдыхать в Майами.

Френсис, однако, не разделял моего энтузиазма насчет «заняться чем-то другим». Ехать отдыхать во Флориду на собственном авто и даже с герлфренд не хотел.

— Хочу вступить в «Латин Кингз». Жалко, что мне дали лишь год условно, а не посадили за решетку. В тюрьме я быстрее сделал бы карьеру.

Значит, Френсис вступал в банду, а я следом за ним входил в его бред и

обсуждал его ближайшие уголовные планы. Наши беседы на эту тему продолжались несколько месяцев, но дальше разговоров дело, к счастью, не шло. Я не имел ни малейшего понятия о том, как вступают в банду: существует ли специальный обряд посвящения? Нужно ли кого-то ограбить, убить, чтобы доказать верность ордену?

Глава 5

Как-то раз у меня была встреча в районе, где находился приют Френсиса. И я решил зайти к нему в гости.

Френсис был крайне удивлен моему визиту. Пригласил войти в комнату, а сам сел на кровать с разбросанной постелью. Предложил мне стул, но я встал у окна, опершись на подоконник.

— Не переживай, ничего не случилось. Просто находился неподалеку отсюда, думаю, дай заскочу к тебе.

Он подозрительно покосился на меня. Затем пожал плечами, мол, ваше право. Достал из пачки сигарету, закурил.

— У тебя случайно и для меня сигаретки не найдется? — спросил я.

— Вы курите? — он протянул мне пачку.

— Балуюсь иногда.

Я и вправду курил очень редко. И сейчас, после второй затяжки, слишком сильно вдохнул дым в легкие и закашлялся. Улыбка скользнула по лицу Френсиса.

— Это правда, что пачка сигарет нынче стоит десять долларов? — спросил я.

— Да, но у нас тут, в приюте, продают ворованные сигареты оптом, за десять баксов можно купить три пачки.

Я завел нейтральный разговор о погоде. Френсис чувствовал себя здесь куда

свободней, чем в моем кабинете. Оно и понятно: госпиталь — это учреждение, где он должен отбывать повинность, лечиться непонятно от чего. А здесь, хоть и в приюте, все-таки он был дома.

Ну и, разумеется, такое знаменательное событие в его жизни — сам «ку-ку доктор»* пришел в гости. Мистер Виктор собственной персоной! Ведь, между прочим, к нему в гости никогда не приходили ни мать, ни отец, ни друзья, ни подруги (последних, впрочем, у него и не было). Приходили только дежурные по приюту с проверками, работники по уничтожению домашних насекомых и социальный работник от суда по надзору за его лечением.

В комнате чувствовался тяжелый запах хлорки, нестиранной одежды и сигарет. На столе стоял старенький компьютер. Все стены были украшены плакатами с изображениями бандитов в шрамах и с пистолетами и кинжалами.

И совсем не к месту в этой галерее насилия в дальнем углу на стене висела репродукция с изображением какого-то католического святого.

— Да-а, бро, страшновато у тебя здесь...

Вдруг из-под половой тряпки выбежал большой таракан и помчался к батарее. Я попытался раздавить его ногой, но он выскользнул из-под моих туфель. Я пустился за ним вдогонку, норовя пристукнуть, пока он не скрылся в щели под отклеенным от пола плинтусом.

Моя тараканья охота здорово позабавила Френсиса, он даже рассмеялся. Вот потеха — «ку-ку доктор» гоняется в приюте за тараканами!

— Сбежал, подлец, — пожаловался я.

— Тараканы — еще не беда, пусть себе бегают, от них вреда нет. Лишь бы не клопы. Помню, я когда-то жил в другом приюте, с мамой и сестрой. Вот там был настоящий кошмар: мы каждое утро просыпались в кровавых волдырях от укусов клопов, никакие мази не спасали. Мы снимали с себя всю одежду и спали голыми на резиновых ковриках. Сколько мамаша ни орала, ни требовала, чтобы потравили,

— бесполезно. А в другом приюте водились мыши, мы по всей комнате сыпали яд и потом находили дохлых мышей повсюду, даже в духовке.

— За это ты так не любишь свою мать?

— Мать? Из-за нее я болтался по приютам и чужим домам. Из-за отца и из-за нее... — нахмурившись, он сжал в кулаке уголок одеяла. — Никто не знает, что со мной делали в тех приютских семьях. В одной доминиканской семье были две сестры, старше меня на три года, мне тогда было тринадцать. Эти суки с длинными руками и толстыми жопами привязывали меня к кровати, снимали с меня штаны и издевались над моей «дылдой», — он опустил голову, указывая вниз, между своих расставленных ног. — Тянули его, лили на него какую-то вонючую жидкость. А когда приходил их папаша, они жаловались ему, что якобы я их лапаю, и меня наказывали. Я никому не рассказывал правду, боялся, что меня отдадут в еще худшую семью, — он шмыгнул носом, готовый вот-вот расплакаться. — Один раз я взобрался на крышу дома, хотел прыгнуть, чтобы разбиться насмерть...

Сейчас этот грозный Френсис, этот уже почти король одной из самых кровавых молодежных банд Америки, был похож на беспомощного мальчика, у которого почему-то выросли усы и борода.

Вдруг за стеной послышались звуки музыки — кто-то играл на пианино.

— Рональд. Он недавно здесь поселился и притащил с собой электронное пианино.

Прислушиваясь к мелодии, Френсис закрыл правый глаз, а левый раскрыл так широко, что бровь над ним сильно изогнулась:

— Идиот, кто же так играет Моцарта?!

— Ты что, умеешь играть на пианино?

— Да. В школе, где я учился, у нас был класс музыки. Я даже играл в школьном оркестре. Это самое лучшее, что у меня было в жизни. Учитель говорил,

что я гений и стану звездой. Но потом мать посадили за проституцию, меня из той школы забрали и сдали в приют...

А за стеной кто-то играл на пианино.

— Ну-ка, погоди, — я достал из кармана мобильник. — Джеймс, ты не возражаешь, если я сейчас к тебе подъеду с одним парнем?

Спрятав мобильник, я застегнул молнию своей куртки:

— Давай-ка, друг, поедem к настоящему королю.

С чернокожим Джеймсом я был знаком почти два года — в клинике Гарлема лечил его жену Маргарет от депрессии, в которой она находилась после самоубийства ее сына. Джеймс был старше своей сорокапятилетней жены на шестнадцать лет, но выглядел еще молодцом: стройный, подтянутый, словом, в отличной форме. Мне импонировала его манера одеваться этаким стилигой тридцатых годов прошлого века — он отдавал предпочтение фасонным пиджакам с накладными карманами, свободным рубашкам со стоячим воротничком и узконосым блестящим туфлям.

Оно и понятно — Джеймс работал в сфере шоу-бизнеса, причем не просто работал, а почти тридцать лет был владельцем студии звукозаписи Magic Music Corp. Когда-то записывал музыку на виниловые пластинки, а теперь — на компакт-диски и в электронном виде.

Джеймс любил разную музыку, лишь бы, как он говорил, это был «гуд продакт» (хороший продукт). Записывал джаз, спиричуэлс, рок, фолк. Повсюду на стенах его студии висели виниловые пластинки, некогда записанные им и получившие призы.

Яйцеголовый, с мелкими черными пружинками волос, высокий, с болтающимися фалдами расстегнутого пиджака, Джеймс ходил, пританцовывая, по широким коридорам и залам студии, словно шоумен. Здесь же он вел и школу звукозаписи, обучал желающих работать на этой чертовски сложной аппаратуре стоимостью, по его словам, два миллиона долларов. Он был знаком и с русской музыкой, знал Чакоффски (Чайковского), а однажды записывал церковное пение каких-то русских раскольников из Пенсильвании.

Как я уже говорил, с Джеймсом я познакомился благодаря его жене, которая после самоубийства сына была в таком шоке, что безостановочно ела, напрочь потеряла сон и даже начала галлюцинировать. Джеймс сам привозил Маргарет в клинику на сессии, исправно ждал ее в зале, проявляя завидную заботливость.

Маргарет у него была третьей женой, не считая многочисленных прежних любовниц; общих с ней детей у них не было. Не будучи красавицей, Маргарет после трагедии с сыном вовсе утратила женскую привлекательность и совершенно перестала следить за собой. Но Джеймс, несмотря на все это, был ей безумно предан.

Через год после трагедии Маргарет стала постепенно возвращаться в норму, даже иногда улыбалась. Она была одной из первых и самых успешных моих пациентов. Моя интернатура к тому времени закончилась, но связь мы сохранили. Порой перезванивались. Изредка я заходил к Джеймсу в студию. В благодарность за мою помощь, невзирая на полное отсутствие у меня музыкального слуха и голоса, Джеймс настойчиво предлагал мне записать у него сольный концерт, даже готов был бесплатно обеспечить меня хором и инструментальным аккомпанементом.

...Итак, мы с Френсисом — в студии Джеймса. Спросили у секретарши, где маэстро, и пошли в зал.

Джеймс был в комнате звукозаписи, за огромным пультом. Еще два парня лет двадцати, в наушниках, сидели за тем же пультом, нажимая какие-то кнопки и двигая рычажки.

— Стоп! Стоп! Ван секунд! — командовал Джеймс. Завидев меня, приветственно кивнул и жестом попросил подождать.

Эта комната была разделена с залом толстым стеклом. А в зале играл джаз-банд. Я предложил Френсису присесть на скамейку. Никак не ожидая очутиться в настоящей студии звукозаписи, да еще в сопровождении самого «ку-ку доктора», ошеломленный Френсис беспрекословно сел.

Когда запись закончилась, мы с Джеймсом пошли к нему в офис. Я поинтересовался, как дела у Маргарет и вообще что у них новенького. Затем спросил, не может ли он взять Френсиса к себе в ученики:

— Хороший парень. Любит музыку, когда-то играл на пианино. Сейчас нигде не работает и не знает, куда себя деть. Не знаю, правда, как вы с ним решите вопрос с оплатой.

Не выясняя подробностей, Джеймс согласился. Он вырос на улицах Гарлема, все понял без лишних слов.

— Виктор, дружище, пусть тебя это не волнует. Мы с твоим Френсисом сами обо всем договоримся, лишь бы он хотел учиться.

Мы ударили по рукам и пошли обратно в зал, где оставили Френсиса. По пути смеялись — Джеймс любил сыпать шутками. У порога в зал я схватил Джеймса за борт пиджака.

...Френсис сидел за пианино. Нажимал клавиши. Вокруг него стояли блестящие пюпитры и микрофоны на высоких подставках.

— Та-та-та...

Отсюда он нам был хорошо виден. Яркий свет с потолка лился на его бледное, подобное гипсовой маске лицо. Френсис нажимал клавишу, отрывал руку, плечи его под черной футболкой тяжело вздымались. Он хмурился, тряс головой, снова ударял клавишу и сильно нажимал педаль. Ему казалось, что не те, не те звуки издает инструмент. Френсис волновался, таращился на клавиатуру, недоумевая, сжимал кулаки поднятых рук, кусал губы. Лицо его кривилось словно от боли. Медленно разжимал кулаки, с дрожью снова касался пальцами клавишей.

— Та-та... Ля-ля...

Он наклонялся и как-то странно поворачивал голову то в одну сторону, то в другую. Широко раскрывал рот, тяжело вздыхал, лицо его выражало какую-то нечеловеческую муку...

— Ва-а-у, — протянул Джеймс.

— Ля-ля... Та-та...

Глава 6

— Сказать по правде, мне трудно работать с Френсисом. Иногда он вроде бы нормальный, а иногда замыкается в себе, утрачивает контакт с окружающим миром и даже начинает верить в свои фантазии.

Мы сидели в кабинете Джен. Она была в белом врачебном халате, еще не успела его снять, только что вернувшись из ку-ку хауз, куда попал ее пациент.

— Во-первых, Виктор, повторяю еще раз, вы должны зарубить себе на носу главное: если человек попал в психиатрическую клинику, значит, у него определенно что-то не в порядке с головой, каким бы нормальным он ни казался. Во-вторых, то, что вы называете странностью, в «Руководстве по психиатрической диагностике» имеет свое название. Шизоидность. Запомнили? Ши-зо-ид-ность, —

она повторила по слогам. — Это отклонение не такое разрушительное и не так ярко выраженное, как, скажем, шизофрения, и только хороший врач может его диагностировать. Но в целом вы все верно описали: такой человек ведет себя неадекватно, он не может укорениться в реальности, не может понять и себя самого, поэтому полностью уходит в мир фантазий. Кстати говоря, шизоидность сегодня широко распространена среди американской молодежи. Я недавно читала статью, где убедительно доказывается, что в последние четверть века вообще все психиатрические болезни в Америке заметно «помолодели»: среди молодежи всё чаще встречаются и шизофрения, и маниакальная депрессивность. Про наркоманию и суицидальность нечего и говорить, понятно и так.

Джен встала и, сняв халат, пошла к вешалке, чтобы повесить его на крючок. Тук-тук-тук — короткие удары каблучков по полу за моей спиной. Вернувшись, поправила платье, а потом и волосы. В последнее время она стала чувствовать себя очень свободно в моем присутствии.

— Когда мои дети учились в школе, к нам в дом приходили их друзья и подруги. Просили, чтобы я разрешила им некоторое время пожить у нас. Потому что родители, узнав, что их дети не такие, как все — скажем, гомосексуалисты, или курят траву, или уродуют себя татуировками и пирсингом, — устраивали им настоящую травлю. Вы себе не представляете, сколько среди этих подростков было шизоидов, таких же как этот Френсис! Азохун вэй...

Глава 7

А на следующее утро в субботу я остановил машину в районе Вильямсбург, где проживают преимущественно евреи.

В салон через приоткрытое окошко ветер доносил крики ворон, кружащихся над высокими платанами и над крышей синагоги неподалеку. Двери синагоги

порой открывались, оттуда выходили мужчины и женщины разных возрастов, некоторые с детьми. Джен была еще там, в здании. Была одна. Одна-одинешенька. Полчаса назад я видел, как она вошла туда, поздоровавшись с какой-то молодой парой.

О чем она молится там, в храме, где звучат томительно-протяжные плачи раввинов? Ходит ли она в синагогу, отдавая дань традиции? Для того ли, чтобы соседи не тыкали в нее пальцем, обвиняя в нечестивости? Чтобы встречаться там с преподавателями еврейской школы, где учились ее дети? Чтобы не терять нужные связи? Быть в толпе?

Что я знал о ее личной жизни, о ее семье? Как-то раз она рассказала мне о своей бабушке, которая чудом выжила в концлагере в Дахау, работая санитаркой в тифозном бараке. В преклонные годы бабушка заболела Альцгеймером, и родственники сдали ее в дом престарелых. Джен из-за этого долго мучилась чувством вины, хотя тогда была еще подростком. Описывая мне последние дни жизни и смерть бабушки, она, и спустя тридцать лет, немного разнервничалась.

Отец Джен, пока не вышел на пенсию, занимал какую-то административную должность в иешиве, мать была домохозяйкой. Еще у нее была старшая сестра Сара. По напряжению в голосе, с каким Джен разговаривала с Сарой по телефону, можно было догадаться, что отношения между сестрами не самые задушевные.

Мне был известен эпизод из ее неудавшейся попытки стать балериной. Неисполненная партия Одетты-Лебедя. Конфликт из-за этого с семьей. Наверняка она испытывала комплекс неполноценности — чувство гадкого утенка, так и не ставшего прекрасным лебедем.

Непонятно, почему Джен остановилась на такой низкой служебной ступеньке, почему не пошла дальше по карьерной лестнице. Ведь могла бы стать и замдиректора клиники. Знаний и медицинского опыта для этого у нее предостаточно. Соблазнилась спокойной жизнью? Прогулки по бутикам, покупки

модных тряпок, спа-салоны — всю эту мишуру предпочла карьере?

Либо занималась семьей, детьми, не хватало времени на что-то еще. И так пошло-поехало. А когда стала любовницей Шварца, то и вовсе пропала необходимость напрягаться.

А детишки выросли. Старшая дочь уже улетела из дома; сын — через несколько лет — тоже улетит. Останется Джен одна, в пустом гнезде. Только сапоги-чулки. И старик Шварц.

Помню, в институте одна преподавательница, когда мы обсуждали тему «Кризис возраста у мужчин и женщин» и коснулись так называемого «синдрома пустого гнезда», делилась своими ощущениями, когда ее дети выросли и покинули дом. «Пропали запахи! В квартире пропали запахи моих детей! — говорила она. — Я ходила по квартире и все внюхивалась. Но дом стал пустым и чужим — он не пах детьми!»

Я представил себе Джен в роли «нюхательницы». Дети разлетаются, и, наверное, пройдут годы, прежде чем они почувствуют острую тоску по оставленному дому и матери в нем...

Плачь, Джен! Плачь! Вся твоя личная жизнь — и с бывшим мужем, и со Шварцем — это сделки, бизнес-контракты! Но пусть только Бог судит тебя за твою связь со стареющим мужчиной, у которого есть семья. Пусть только грозное пение раввина, обращенное к Всевышнему, пробуждает в твоей душе сожаление...

Но мне ли, тайно преследующему тебя, осуждать твою жизнь? Я ведь тоже был женат. И, кстати говоря, изменял жене. А вот гляжу, гляжу с тоской, как ты сейчас выходишь из дверей синагоги, где умолкли молитвенные песнопения, где Богу было отдано Богово.

Ты — в черном велюровом пальто и полусапожках. Поправляешь шапочку, перекидываясь словами с какой-то женщиной. Наверное, смеешься. Но твой смех до меня не долетает. Я слышу только вороний гай и гул проезжающих мимо

автомобилей.

Ты киваешь головой — быть может, тебя сейчас приглашают в гости на какой-то еврейский праздник. Будете пить кошерное вино и есть кошерные булки. Обсуждать свои дела: чье-то обрезание, или чью-то хупу в дорогом ресторане, или безобразия, которые творятся в благотворительной организации, помогающей жертвам Холокоста.

Между нами — пропасти, которые не преодолеть никакому «Боингу».

Прощай, Джен!..

Она отходит в сторону, останавливается у самого бордюра, достает мобильник. Наверное, как и в прошлую субботу, вызывает такси.

Ждет, переминаясь с ноги на ногу. Слегка передергивает плечами. Зябко. Ноябрьский ветер. Тянет сыростью от черной земли и мокрого асфальта.

Туп-туп. Туп-туп. Каблучки сапог. И... вдруг падает с нее черное пальто, подхватывает его сильным ветром и уносит куда-то — за здание синагоги, за дорогу, за кусты. И сапоги улетают следом. И юбка длинная, и блузка — всё, всё улетает, разрываясь на ветру в клочья!

И... пам-пам-па — плывет белоснежная Джен в балетной пачке. Пам-пам-па... Руки ее трепещут, словно стряхивая с перьев капли воды, грудь волнуется, шея изящно выгнута.

Тихо, сумрачно на ночном озере. Тоскует Лебедь. Плачет ее заколдованная душа. Луна льет с неба свет, тонущий в озерной пучине.

И колдун Шварц бегаёт вокруг Лебеда, хохочет злобно. Кар-кар!..

Где же принц, юный влюбленный принц, который запустит стрелу и поразит черного Ворона?..

— Ж-ж-ж, — подъехало и остановилось такси.

Джен открывает заднюю дверцу машины. Перед тем как сесть в нее, вдруг оглядывается. Бросает тревожный взгляд в мою сторону...

Глава 8

Дни напролет Френсис пропадавал в студии Джеймса: учился звукозаписи, убирал там, пылесосил, относил почту. А в свободное время, когда зал был пуст (записывали порой и до полуночи, и до двух ночи), играл на пианино. Словом, парень оказался в правильное время в правильном месте.

Порой он делился со мной планами на ближайшее будущее: создать панк-группу под названием Crazy Brothers («Сумасшедшие братья»), записать первый концерт и снять видеоклип.

Да, иногда он замыкался, уходил в себя, как улитка в ракушку. Зато в периоды подъема был неотразим: говорил свободно, порой даже дерзко, жестикулировал раскованно, мимика раскрепощалась, в движениях появлялась пластика.

Глядя на него, я злился на Джен за то, что она так легко записала его в шизоиды и на этом успокоилась. Ох уж эти психотерапевты: поставят на лоб клеймо «шизоид» или «хронически суицидный» — и готово!

А Френсис — артист, настоящий артист! Артист без сцены, без съемочной площадки, без концертов задыхается, как рыба, выброшенная на песок. Артисту нельзя долго оставаться вне искусства, не заниматься тем, к чему он призван и для чего сотворен Богом. Да, все настоящие артисты, музыканты, художники неадекватны. Но ведь на то и талант, чтобы быть особенным, уникальным.

А она: «Шизоид, шизоид»! Парень просто всю жизнь не знал и не понимал, для чего рожден, быть может, тайно мечтал о карьере поп-звезды, но ни с кем не делился своими фантазиями. Вместо сцены, рояля, направленных на него софитов видел только пьяную гуляющую мать, крыс в общежитиях, терпел унижения в приютских семьях...

Психотерапевты! Когда в вашем кабинете очутится новый пациент и вы узнаете, что он — артист, художник, музыкант, прошу вас: захлопните свои толстые книги по психотерапии! Отойдите от этого человека как можно дальше, даже если ваш офис мал в размерах! Но дайте артисту как можно больше пространства, свободы, дайте ему почувствовать себя на сцене, за роялем, у холста! Станьте его благодарным зрителем, поклонником — и вы спасете его скорее, чем любые лекарства, уколы и ваши занудные психотерапевтические сессии!

— Хочу спросить тебя: почему ты теперь часто носишь нагрудный крест? Не припоминаю, чтобы раньше ты носил кресты. Это что — новая мода? Твой новый артистический имидж? — однажды спросил я Френсиса. Но он словно не слышал меня.

Мрачный, он глядел перед собой, пощипывая бороду, которая в последнее время стала длиннее и гуще, чем прежде.

— Хэл-лоу, бро, ты здесь? Или опять улетел куда-то на Луну?

Он наконец вышел из состояния глубокой задумчивости — посмотрел на меня. Но ненадолго — вскоре снова вперился в дальний угол потолка.

— Честно признаться, Френсис, я ничего не понимаю. В твоей жизни все складывается хорошо, даже замечательно. Крыша у тебя над головой есть, судимость скоро снимут. Джеймс платит тебе небольшую зарплату. Ты играешь на пианино, сочиняешь музыку. Да, у тебя пока нет своей группы, но не все сразу. Почему же ты выглядишь таким несчастным, почему постоянно молчишь? Джеймс тоже говорит, что ты изменился: огрызаешься, не делаешь то, что он

просит. Еще и стал курить траву, — я громко потянул носом, как бы давая понять, что от одежды Френсиса сильно пахнет марихуаной. — Что с тобой?

— Я больше не хочу быть музыкантом, не хочу быть поп-звездой, — тихо промолвил Френсис. Затем, оглянувшись по сторонам и убедившись, что, кроме нас, здесь никого нет, зашептал: — Знаете, что со мной недавно произошло? Месяц назад я... видел своего святого — святого Франциска, в честь которого меня назвали. Когда я был маленьким, бабушка мне много рассказывала про святого Франциска. И я его недавно увидел. Это случилось ночью. В мою комнату въехала огненная колесница, запряженная тремя белыми лошадьми, и в горящем шаре я рассмотрел своего святого. Он был в одной рясе, подвязанной веревкой, и босиком. Он осенил себя крестным знаменем — вот так, — Френсис перекрестился. — Святой сказал, что ждет меня, что я должен следовать за ним.

Я от изумления открыл рот. Невольно припомнил репродукцию какого-то католического святого, висевшую в его комнате среди бандитских плакатов.

— Не знаю, доктор, почему, но с тех пор я чувствую себя виноватым во всем. Я самый страшный на земле грешник. Мне очень плохо... Ах, почему меня не посадили тогда в тюрьму?! Почему мне дали лишь год условно? — он крепко сжал костлявые кулаки.

— погоди, Френсис, погоди. Ты никакой не преступник. Это мы все преступники, если допустили такому случиться с тобой. А ты ни в чем не виноват. Да, ты участвовал в ограблении квартиры, но ты же сам мне когда-то сказал, что стоял на шухере и даже толком не знал, что ту квартиру собираются обворовывать.

Кивая мне в ответ, но явно меня не слушая, он зачем-то стал закатывать рукав своей черной футболки. Затем вытащил что-то из кармана своих широких джинсов. Я не успел рассмотреть, что это. Через миг после щелчка в его руке блеснуло лезвие ножа.

— Я заслужил это! Заслужил! — вытянув вперед оголенную левую руку, он вдруг стал полосовать ее ножом.

— Получай, mother-fucker!

Кровь брызнула на его черную футболку, полилась на джинсы.

У меня помутилось в глазах.

Секретную кнопку тревожной сигнализации, вмонтированную в стол, я жал сильно, насколько мог, мысленно укоряя себя за то, что до сих пор ни разу не удосужился проверить, работает ли она. «Где же полиция? Почему так долго?!»

— F-fuck, f-fuck! — орал Френсис, мотая головой. Он уже не резал себе руку, а смотрел на стекающую кровь. На его лице играла какая-то дикая, радостная улыбка.

В крови были его нож, крест, даже борода.

«Как же быть? Где же эта чертова полиция?!»

...С грохотом распахнулась дверь кабинета. Ворвались трое полицейских из госпитальной охраны.

— Не двигаться! Всем оставаться на своих местах!

Мгновенно Френсис был повален на пол, и на него сверху уселся один из копов, заведя ему руки за спину и надевая наручники. Другой коп, схватив парня за волосы, крепко прижимал его лицо к полу. Черная футболка Френсиса быстро покрылась пятнами крови. Руки копа, наручники тоже были в кровавых пятнах.

— Доктор, вы в порядке? — спросил меня третий полицейский. Он поднял нож с пола и, вытащив из кармана небольшой целлофановый пакет, раскрыл его и положил туда нож.

— Да, все о'кей, — ответил я, внимательнейшим образом рассматривая идеально круглую красную вмятину от кнопки на своем указательном пальце.

Копы подхватили Френсиса под мышки и поставили на ноги.

— Можно вести его?

— Да, можно вести.

— Куда его? В психиатрическую ER?

— Да.

— Пошли, парень.

Френсис дернулся пару раз, ему было явно неудобно в таком положении — руки за спиной, еще и в наручниках, и два копа с обеих сторон сжимают его тощие, почти без мышц, руки.

— А ну тихо, парень! Иди смирно, — велел один полицейский, схватив Френсиса сзади за шею, и с нажимом наклонил его голову вперед.

— А-а...

Его отвели в Психиатрическую скорую. Там сделали укол. А потом отправили в «гнездо кукушки» госпиталя в Манхэттене, где есть специальное отделение для пациентов, имеющих открытые криминальные дела — Френсис все еще находился под надзором прокуратуры, отбывая год условно.

— В каком он госпитале? — спросила Джен, рассматривая свое прекрасное лицо в зеркальце косметички.

Ее веки блестели и переливались серебристыми блестками, на длинных ресницах лежал густой слой туши. Она была в приталенном длинном сиреневом платье. Судя по всему, шла на какое-то пати.

— Что ж, в целом картина мне ясна: мальчик не выдержал стресса, перемен, — продолжала она, когда мы в ее кабинете готовились к совещанию персонала клиники, где мне предстояло представить дело Френсиса.

А я, сложив ладони между своих раздвинутых коленей, сидел на ее «психотерапевтической» кушетке, предназначенной для пациентов.

— Слишком много хорошего свалилось на твоего Френсиса в короткий срок. К хорошему тоже нужно привыкнуть. А он оказался не готов. Это — во-первых. Во-вторых, Френсис стал курить марихуану, а трава, как известно, у некоторых людей вызывает галлюцинации. Ну и в заключение: его психиатрическая болезнь тоже не стоит на месте, а развивается. Вот тебе и ответ на вопрос, отчего у него произошел нервный срыв и почему он резал себе руки. А ты, Виктор, все сделал правильно, не растерялся, тут же вызвал полицию. И не укоряй себя ни в чем, мы, психотерапевты, всего предугадать не можем, — она защелкнула косметичку.

— Да-да, все верно: стресс, трава, галлюцинации, болезнь. Но, может.... Может, он действительно верит в Бога? Может, только сейчас, став свободным, оказавшись среди нормальных людей, которые о нем хоть чуточку заботятся, он наконец почувствовал в себе Бога? Почувствовал какое-то раскаяние, посчитал себя виноватым? Захотел покаяться за свои пусть даже мелкие грешки, которые в его глазах сейчас приобрели огромное значение? — я смотрел перед собой, где на полу словно возникали и расплывались какие-то темные пятна.

Джен покачала головой:

— Виктор, тебе будет трудно работать с психически больными. Ты копаешь слишком глубоко. А это опасно — и не только для психически больных, но и для психически здоровых.

Она поднялась, давая понять, что супервизия закончилась. Взглянула на свои золотистые часики на руке:

— Все, надеюсь, мы с тобой достаточно детально обсудили эту историю.

Однако я оставался неподвижен.

Меня душила ревность: вот сейчас она уйдет — в своем обворожительном платье, в туфлях на высоком каблуке, вся в блестках — к нему, к этому проклятому хрычу Шварцу. И я не знал, что сделать, чтобы этого не случилось.

Удивившись, Джен смотрела на меня, пытаясь вникнуть в причину моего «пассивного сопротивления». Догадалась. Решительно подошла к двери и защелкнула замок.

Вернулась и присела передо мной на корточки:

— Милый Виктор, я долго не хотела начинать этот разговор, но, видимо, придется. Я знаю, что ты ко мне равнодушен. Но не надо. Не надо сидеть в машине возле синагоги по субботам, подкарауливая меня. Не надо следить за мной, когда я иду после работы. И рисовать меня тоже не надо. Договорились?

Я наморщил лоб. Сейчас, с этого места и под этим углом мне были хорошо видны плавные линии ее бедер в облегающем платье. Восхитительные линии! Не знаю, повинуясь какой силе, я вдруг взял руки Джен и потянул ее к себе!

На мгновение она поддалась, быть может, от неожиданности. Я даже успел ощутить, как прядь ее бархатистых волос скользнула по моей щеке.

Но длилось это лишь миг. Вырвавшись, Джен отступила к двери. На ее щеках запыхали пунцовые пятна. Метнула в меня испепеляющую молнию.

— Ты в своем уме? — сказала тихо. — Завтра же я попрошу, чтобы вместо меня тебе дали другого супервайзера.

Глава 9

Но она никого ни о чем не попросила и оставалась моим супервайзером. Как и прежде, мы обсуждали с ней пациентов, спорили, беседовали об искусстве.

Словом, внешне мало что изменилось. Но между нами возникла некая тайна, которую мы, как два заговорщика, теперь скрывали ото всех.

.....

Однажды Джен спросила, не могу ли я подвезти ее во время ланча в ателье, где ей нужно срочно забрать какую-то одежду.

Машина, что называется, была подана, и вскоре мы мчались по бруклинским улицам в район Бей Ридж.

Джен скрылась в дверях ателье. А я, отодвинув подальше от руля кресло водителя и откинув спинку, устроился поудобней и приготовился к ее длительному отсутствию. Достал мобильник, чтобы почитать «Фейсбук».

К моему удивлению, минут через десять Джен вышла с пакетами в руках.

— Я же обещала, что быстро справлюсь, — сказала она, кладя пакеты на заднее сиденье. — Поехали обратно.

Но возвращаться напрямик в госпиталь было бы с моей стороны непростительной ошибкой, если не глупостью. Тем более в такой теплый и солнечный февральский день.

Ничего не сказав, я направил машину к набережной, которая находилась от этого ателье совсем близко.

Полюбил я тот уголок: широкий пирс, вдающийся в Гудзон метров на сто от берега, место для променада и рыбной ловли. С пирса открывается живописный вид, запечатленный на многих рекламных открытках и буклетах Нью-Йорка. Река здесь разбегается по устьям, окаймляющим остров Статен-Айленд, берег Нью-Джерси и Манхэттен с его небоскребами.

Простор, широкий горизонт. И ползут, надвигаются откуда-то гонимые ветром тучи. А под мостом Верразано, едва не задевая перекрытие, проходят гигантские лайнеры: одни — швартоваться в порт, другие — из порта, в океан...

Приехав на место, я предложил Джен выйти из машины и полюбоваться видами.

Мы неспешно прогуливались по бетонному пирсу, огороженному по краям невысоким железным забором. Рыбаки забрасывали в воду спиннинги. Возле них на газетах и целлофановых пакетах лежали кусочки порезанной рыбы и крабы с расколотыми панцирями, которых использовали для наживки.

Мальчуган лет пяти, в красной курточке, отойдя от мамы, сел на корточки и внимательнейшим образом изучал только что пойманную рыбаком сельдь. Рыба прыгала на бетоне, и ее морда от пораненных крючком губ быстро покрывалась кровью.

— Она дышит! Она раскрывает жабры! — изумлялся ребенок, касаясь рыбы пальчиком.

— Ты когда вырастешь, тоже станешь рыбаком? Или капитаном корабля? — слащавым голосом спросила Джен, наклонившись к ребенку.

— Мисс, вы мне мешаете, — ответил мальчуган серьезным голосом. — Вы что, не видите, что я занят рыбой?

— Что-о?! — протянула Джен и рассмеялась.

И мне вдруг захотелось вот так стоять когда-нибудь на пирсе, чтобы летали над водой беспокойные чайки и чтобы неслись тучи, а из порта уходили в океан лайнеры. И чтобы мой сынишка сидел рядом на корточках, изучая жирную сельдь, трогал ее раскрытые жабры, ее окровавленный рот, смотрел, как она прыгает на бетоне, сверкая чешуей...

На миг я словно увидел эту картину. Как свое будущее: и сына своего увидел, и Джен, и себя с ними.

— А-а! — вдруг воскликнула Джен, резко взмахнув рукой.

Она смотрела за перила, куда только что улетела ее красная шапочка, сорванная с ее головы порывом ветра.

Шапочка качалась на волнах, ее слегка перебрасывало в направлении берега, но она быстро тяжелела, напитываясь водой.

— Вот так. Осталась фея без короны, — пошутила Джен, поправив растрепанные волосы.

— Подержи, — не раздумывая, я отдал Джен свою куртку, мобильник и портмоне.

Перелез через перила. Держась одной рукой за трубу, другую вытянул вперед, чтобы ухватить шапочку. Не дотянулся.

— А-а, черт с ним! — сев на край бетонного парапета, я опустил ноги и осторожно, как мог, спустился в воду.

Мои ноги быстро коснулись дна. Вода была не холодной для февраля. А главное, неглубокой — мне по пояс. Сделав несколько шагов в воде, я схватил уже почти скрывающуюся под водой красную шапочку и пошел назад. Взобрался обратно на пирс. Рубашка намочила по грудь, брюки и ботинки, понятно, были совершенно мокрые и тяжелые, словно из бетона.

Джен покраснела от смущения, принимая из моих рук свою мокрую шапочку, которая, надо сказать, сейчас имела вид половой тряпки.

Набросив мне на плечи мою куртку, Джен суетилась, словно медсестра, которая собирается оказать пострадавшему первую медицинскую помощь.

— Не переживай, все нормально, — бодро сказал я.

Мое заключение о том, что вода не холодная, было несколько преждевременным. В ногах, животе и паху быстро становилось холодно.

— Надо ехать домой, немедленно домой! — твердила Джен, когда мы с ней, покинув пирс, быстро шли к машине.

— Да, да, поехали домой, — я открыл дверцу, завел мотор и включил печку.

— Ты ведь можешь заболеть бронхитом или, не дай бог, воспалением легких. А все из-за твоей глупости! — она забрала с заднего сиденья свои пакеты с вещами.

— Разве ты не поедешь со мной? — спросил я.

Ее раздумье длилось несколько секунд.

— Нет. Ты езжай, а я себе вызову такси.

Вопреки ее прогнозам я не заболел, предотвратив серьезную простуду и бронхит проверенным русским лекарством — стаканом водки.

...С того дня в наших отношениях с Джен мало что изменилось. Правда, она больше не просила меня никуда ее отвезти — ни в ателье, ни в супермаркет. Справлялась сама.

Но я хорошо помнил, как там, на пирсе, блестели ее глаза; и я знал, что этот блеск исходит из самого потаенного уголка женского сердца и предвещает, что это сердце теперь будет покорено.

Поэтому я совсем не удивился, что с тех пор уважаемый «доктор ухо-горлонос» крайне редко заходил в кабинет Джен и не мешал нам во время супервизий.

Глава 10

Увы, радость моя длилась недолго. В кабинете Джен вскоре появился... Майкл. Конечно, ее сын Майкл вызывал у меня иные эмоции, чем доктор Шварц: последний был моим заклятым соперником, а Майкл вызывал скорее симпатию.

Если бы он не так часто занимал в кабинете Джен ту кушетку, на которой я последнее время привык лелеять некие сладкие мечты, то я бы не имел ничего против. Иными словами, Майкл вытеснил меня с той кушетки, и я вынужден был теперь сидеть на стуле, тогда как он полулежа играл в электронные игры на своем iPhone.

История его появления в госпитале такова: недавно Майкл оставил колледж — то ли его выгнали за неуспеваемость, то ли он взял академический отпуск. Скорее всего, выперли. Работать он не хотел. После скандалов с Джен, ее уговоров и угроз Майкл согласился какое-то время поволонтерить в нашем госпитале. Джен быстро все устроила. Майклу выдали удостоверение, составили расписание и список обязанностей. Он должен был два дня в неделю помогать в столовой и два дня в библиотеке. В общем, не бог весть что, но хоть какое-то занятие.

Итак, Майкл работал как волонтер, шатался по госпитальным коридорам и заходил в кабинет к Джен как раз в то время, когда у нас с ней были назначены супервизии.

Это был высокий парень двадцати лет, с густыми черными волосами на прямой пробор; женственная мягкость в чертах его лица была явно унаследована от матери. Во взгляде его темных глаз выдавалась какая-то надменность, самолюбование. Но, быть может, за этим фасадом нарцисса скрывался неуверенный в себе, закомплексованный ребенок?

С Джен он вел себя крайне раскованно, с его лица не сходила благодушная улыбка даже в те минуты, когда она выговаривала ему при мне за то, что на него уже жалуются из Отдела волонтеров.

После очередной взбучки Майкл обычно просил у нее денег на новую компьютерную игру или на ремонт своей машины, и Джен, грозно и обиженно сопя, доставала из сумочки портмоне.

Однажды, после того как Майкл нас покинул, получив от матери деньги, Джен стала оправдываться передо мной:

— Я знаю, что это неправильно, понимаю, что слишком балую его. Нормальная мать так себя вести не должна. Мне об этом все говорят: и сестра, и дочка, и бывший муж. Майкл — проблемный ребенок, не может ни в чем себя найти, не в состоянии к чему-либо привязаться.

— Неужели его никогда ничего не увлекало?

— Нет. Разве что... когда-то он любил играть на барабанах, несколько лет посещал музыкальную студию, но потом бросил и это. Он ничего не хочет, но сам же из-за этого и страдает. Недавно я убирала в его комнате, нашла там блокнот с его стихами. Знаешь, о чем эти стихи? Даже не хочу тебе говорить... Ладно, Виктор, давай обсуждать твоих пациентов. А то мы теперь занимаемся моими «аидише мамэ» проблемами. Как дела у твоего Френсиса? Его уже выписали из психбольницы?

— Да, две недели назад. Швы сняли. Он перестал курить траву, ходит в студию к Джеймсу, играет на пианино. Короче, восхождение звезды продолжается.

Однажды во время ланча я вышел из корпуса подышать свежим воздухом. Вдруг увидел перед собой парочку: Френсиса и Майкла — вместе!

Они стояли возле синей «Тойоты» Майкла и о чем-то разговаривали. Потом оба сели в машину и — р-р-р — уехали...

Значит так: панк-группа называлась Crazy Brothers. Как этого и желал Френсис.

Ударные и лирика — Майкл Леви; клавишные и вокал — Френсис Новак; гитара и вокал — Фрэн Харрисон.

Потрясающая панк-группа с блестящим будущим: концертами, гастрольями, CD-дисками, видеоклипами и прочими фейерверками и звоном литавр, сопровождающими жизнь звезд и поп-кумиров.

Где они встретили гитаристку и вокалистку Фрэю, я не знаю. Френсис сказал, что в баре, где она под гитару исполняла свои песни. Может быть.

Когда мы с Джен впервые раскрыли новосозданный веб-сайт новой панк-группы и увидели выложенные там фотографии музыкантов, Джен заметно помрачнела:

— Какой ужас...

Лично я ничего ужасного на тех фотографиях не обнаружил: два парня в драных футболках и с выкрашенными в красно-зеленый цвет волосами — за инструментами; и девушка — тоже в одной маечке с глубоким вырезом, в татуировках и с гитарой — орет в микрофон.

На органе Френсиса — тоже микрофон, и Френсис орет. Ну и микрофон перед лицом ударника Майкла. Словом, можно только представить, какой грохот стоял в студии Джеймса, где они теперь репетировали.

— Какой ужас... — Джен не сводила с экрана компьютера взгляд, продолжая кликать мышкой, и новые снимки ребят в драных майках с выкрашенными волосами мелькали перед ней.

Вот они втроем в баре, пьют пиво из больших бокалов. А вот — в какой-то беседке на берегу — тоже с бутылками пива. На безлюдном пляже, все трое — абсолютно голые.

Вот в какой-то убого обставленной комнатке — в приюте, где жил Френсис, — играют в карты на полу. Фрэя в разорванных чулках, в носу — кольцо. Оба парня раздеты по пояс. На полу пустые бутылки из-под пива, пачки сигарет.

А вот сюжетный снимок: Френсис лежит на полу на спине, Майкл — на нем сверху, душит его. Не поделили девушку, видать.

— Он просит у меня тысячу долларов на запись их первого концерта. В какую сумму мне уже обошлась эта их музыка, ты себе не представляешь.

Она кликнула мышкой, и в кабинете стало тихо. Будто только что здесь, на

столе, извергался вулкан и это извержение сопровождалось землетрясением под чьи-то вопли — и вдруг тихо-тихо...

— Но ведь это хорошо, что твоего Майкла хоть что-то увлекло, задело. Кто знает, может, из этой затеи у них что-то получится. Во всяком случае, это его собственный выбор, — сказал я.

— Когда-то я мечтала, что мой сын станет адвокатом или врачом. Ладно, в конце концов, он счастлив, ему хорошо, и это главное... — она вздохнула.

Глава 11

В клинике существовала добрая традиция: каждый год в конце мая для сотрудников устраивали пикник. В этом году местом для пикника был выбран парк в районе Park Slope. В ресторане были заказаны столы.

День выдался тихим, почти безветренным. Выехали в полдень. Я предложил Джен место в своей машине. К моему удивлению, она сразу согласилась. Надо сказать, что в последнее время Джен словно забыла былые обиды и угрозы за мои «шалости и несерьезности»; только хвалила меня без меры и даже пообещала похлопотать, чтобы меня взяли в эту клинику на работу.

Мы о чем-то болтали. Джен покачивалась на сиденье рядом, а я краем глаза косился на ее белоснежные ноги. И с превеликим трудом преодолевал соблазн погнать машину куда-нибудь за город, в темный лес.

.....

И вот кулинарная часть в основном была закончена. Сотрудники-гурманы в

ресторане расправлялись с десертом, остальные прогуливались по парку.

Джен удалялась по тропинке вдоль берега озера, по которому плавали утки и лебеди. Непривычно было видеть ее в туфлях без каблучков.

Я догнал ее и, засунув руки в карманы джинсов, пошел рядом. Она даже не удивилась этому.

— Еда была отвратительная, очень жирная. Теперь придется неделю сидеть на строгой диете, — сказала она и в подтверждение своих слов погладила живот. — Но что поделать, если наш директор любит такую жирную кухню. Ой, смотри! — воскликнула она.

С противоположного берега к нам плыл лебедь. Белый, с длинным красным клювом. Вероятно, рассчитывая чем-то у нас поживиться.

— Жаль, что у меня нет с собой хлеба или крекеров, — Джен подошла к краю каменистого берега.

Лебедь приближался, уже были видны его часто двигающиеся под водой лапы.

Присев, она протянула к нему руку:

— Плыви сюда, ко мне...

Птица остановилась. Смотрела умными, внимательными глазами на сидящую перед ней женщину. И... поплыл лебедь. Забил под водой лапами и, изменив линию изгиба длинной шеи, потянулся к руке. Сейчас коснется, ей-богу, коснется клювом ее ладони.

«...Зачем ты меня преследуешь? Я не знаю тебя. Не понимаю тебя. Ты сумасшедший!.. Нет, ты — коршун, уже целый год кружишь над моей душой. А я хочу жить, как жила. Я не хочу погибнуть в твоих когтях. Понимаешь? Не хочу! Не хо-чу...»

...Она трогала мои волосы, гладила по щекам...

Ее платье валялось на полу, там же, где валялись и мои джинсы и рубашка.

И вся ее одежда теперь ей была не нужна! Расколдовали Лебедя. Грудь ее белые, теплые, и живот белый, теплый, и плечи, и вся она белая. И не знаю я на всей Земле женщины белей Джен. И не хочу знать!

Свет луны лился через окно в комнату.

— Гладь, гладь. Целуй. Здесь, и здесь, и здесь — где хочешь...

Потом Джен сидела, откинувшись назад, подложив себе под спину подушку. Свет я не включил, но мои глаза уже привыкли к темноте. Я видел ее профиль, ее плечи, покрытые черными пятнами ее волос.

— Зачем мне это нужно, ты не знаешь?

Я молчал. Ожидал, что последует раскаяние. Всё — как и положено: совершенный грех, потом раскаяние. Обязательная часть программы женщины, вступившей в... скажем так, сомнительную интимную связь с мужчиной.

Она подтянула повыше к себе плед, словно желая спрятаться под ним.

— Кстати, у меня двое детей. Я уже скоро стану бабушкой. И вот, приехали.

— Хочешь чай? Кофе?

— Нет, спасибо... Сегодня пятница. Шаббат. Царица Суббота, — помолчав, она вдруг запела что-то на идиш. — Каждый Шаббат мы в семье пели эту песню. Мы с Сарой зажигали свечи и, накрыв на стол, ждали отца из синагоги. Он приходил, читал молитву и наливал в чашу вино. Потом мы ели халу, я всегда выковыривала из нее изюм, а мама говорила, что я — сладкоежка и слишком переборчивая, а нужно брать то, что дают, — хмыкнув, снова напела ту же песенку. — Знаешь, о чем эта песня?

— О чем?

— О Женщине. О том, что Женщина ценнее любого жемчуга... Представляю лицо Сары, если бы она меня сейчас увидела... У тебя душ работает?

— Да, конечно. Сейчас достану тебе свежее полотенце.

Она поднялась, и через минуту я услышал шелест клеенчатой шторы в ванной и шум воды из душа.

Утром Джен наводила у зеркала марафет. Она уже была в платье, волосы расчесаны, губы накрашены. Только босиком — ее туфли стояли в коридоре.

Я варил кофе у плиты. Сквозь квадратный проем в стене, разделяющей кухню и комнату, поглядывал на Джен. Вскоре вынес из кухни в комнату и поставил на стол две чашки кофе, сахарницу и молоко.

— Не уходи. Нам теперь спешить некуда.

— Виктор, дорогой, ты что, и вправду думаешь, что между нами возможно что-то серьезное? Смешной ты. Мой сын тебе в друзья годится. А я — старая, толстая, больная. Если начну перечислять свои болезни — испугаешься.

Она отошла от зеркала. Затем посмотрела на стены, увешанные эскизами, где Джен — в образе Черного Лебедя, в балетной пачке, «ню»...

— Картинная галерея, посвященная мадам Дженнифер Леви. Я была для тебя не только супервайзершей, но и натурщицей. Надеюсь, неплохой, — она подошла к столу, где я делал последнюю сервировку с чайными ложечками. — Все. Я приняла решение. Можно тебя попросить об одном одолжении? Только пообещай, что исполнишь то, о чем я тебя сейчас попрошу.

С серьезнейшим видом я продолжал раскладывать две чайные ложечки — то одну поправлял возле чашки, то другую.

— Забудь обо мне. Я напишу тебе отличную характеристику за прохождение интернатуры. И будь доволен, что переспал со своей супервайзершей, внеси меня в список своих побед.

Нахмурившись, я положил вторую ложечку строго на таком же расстоянии от блюда, что и первую.

— О'кей, хочешь узнать правду? Я с тобой решила просто попробовать. Чтобы утолить свое женское любопытство. Захотела испытать некоторые чувства. Тебе этого не понять.

— И как, осталась довольна?

Ничего не ответив, она пошла в коридор, где стояли ее туфли. Не наклоняясь, пальцем ноги поправила подвернувшийся кожаный задник. Затем достала из сумочки мобильник:

— Я хочу вызвать такси. Какой у тебя адрес?

Я назвал адрес дома.

— Ты даже не предлагаешь отвезти меня домой! — возмутилась она.

— Я не твой личный водитель. А тебе уже давно пора самой сесть за руль и начать водить машину.

— Ты не мой муж, чтобы мне указывать, что я должна делать, а что нет.

Она позвонила в такси, спрашивала у диспетчера, сколько придется ждать, и возмущалась, почему так долго.

— Остайся. Нам ведь хорошо вдвоем. Даже если я и не твой муж.

— Виктор, дорогой. Да, я к тебе тоже равнодушна, ты это хочешь услышать? Я даже с Марком рассталась, к твоему сведению. И сейчас жалею об этом. В последнее время я стала совершать страшные глупости. И всё из-за тебя... Понимаешь, мы с тобой очень разные. И мне это совершенно не надо. Не надо, — повернувшись, она взялась за ручку, чтобы повернуть ее и открыть дверь.

В три широких шага я подошел к ней, подхватил на руки и понес на диван. Джен дрыгала ногами, била меня в грудь.

— Ты псих, псих, пси...

Все выходные мы провели вместе. В воскресенье вечером я отвез ее домой. Она вбежала на крыльцо, махнула мне на прощанье рукой.

Неожиданно взмахи ее рук изменили направление, и она стала звать меня к себе.

Я вошел к ней в дом. Год назад я и представить себе не мог такое, а сейчас это казалось само собой разумеющимся. За эти два дня я настолько с ней «слился», настолько чувствовал себя частью ее, а ее в себе, что просто не понимал, как мог жить без Джен до сих пор. А я и не жил до сих пор. Так, болтался на земле без всякого дела и смысла.

Мы пили кофе, она рассказывала мне истории висевших на стенах театральных афиш и картин на еврейскую тематику. Показала красивую серебряную посуду в шкафу. Меня, правда, несколько утомили ее частые извинения за «небольшой беспорядок», который вернее было бы назвать большим погромом.

Майкла мы дома не застали, он был в каком-то клубе. Вот будет парню сюрприз, когда увидит меня в их доме, распивающим чай или коньяк с его мамой...

Глава 12

В понедельник утром я долго стучал в дверь кабинета Джен, но на стук никто не отзывался.

— Джен сегодня не придет, — сказала проходившая мимо секретарша.

— Почему? Она взяла отгул?

— Какой отгул? Ты разве не знаешь, что у нее случилось?

— Нет.

— Ее сын попал в автомобильную аварию.

— Что?!

— Всех подробностей я не знаю. Известно, что он ехал в машине со своими друзьями, ну с этими, музыкантами. За рулем сидел Френсис, он был пьяным. Не справился с управлением и врезался в автобус. Водитель и пассажир на переднем сиденье целы — их спасли воздушные мешки, а Майкл сидел на заднем сиденье. Говорят, с ним все очень серьезно...

— В каком он госпитале? — я полез в карман за ключами от машины.

...Мелькали дорожные указатели, столбы, зеленые газоны на холмах.

Вскоре я шел по коридору отделения ICU — для критических. Там ярко горели лампы, бибикали приборы.

Джен сидела на стуле, в сером платье, распатланная, неподвижная, как мумия, держала в руке ладонь сына. Когда я вошел, лишь слабо повела головой в мою сторону и снова устремила взгляд на Майкла.

Гудели, рыкали компрессоры, нагоняя кислород: одна трубка была вставлена Майклу в рот, другая входила справа между его ребер в легкое. Он лежал с вытянутыми руками, до пояса прикрытый белой простыней. На его неподвижном лице желтели смазанные йодом вздутые свежие раны. Выкрашенные в зеленый и красный цвет волосы были слипшимися.

Стоит ли говорить о том, что некоторые события настолько стремительно нарушают обыденный ход нашей жизни, что наше сознание просто не успевает угнаться за ними, требуется время, чтобы к ним приспособиться и привыкнуть.

Подошла медсестра: посмотрела на датчики, проверила капельницу и, сделав запись, удалилась.

Я постоял за спиной Джен. Все-таки не зря она была против дружбы Майкла с Френсисом. Предчувствовала, что это к добру не приведет. Чертов Френсис! Убийца!

Подойдя к дежурной медсестре, я попросил информацию о пациенте Майкле Леви, представившись его родственником.

— Кровоизлияние в мозг средней степени, без перелома черепа. Сломаны три ребра с прободением легкого. Он в состоянии комы уже почти семь часов. Каков врачебный план? Продолжаем наблюдать, доктор пока не считает нужным хирургическое вмешательство. Но если снова начнется кровотечение, тогда срочно придется делать операцию.

— И как долго он может находиться в коме?

— Кто знает? Может, с минуты на минуту проснется, а может так пролежать и неделю. По-всякому бывает... — медсестра взглянула мне в глаза, и в ее взгляде я прочитал прогноз, самый страшный из всех возможных, о котором вслух не говорят...

Я вышел в зал ожидания и сел в кресло. В двери отделения вскоре вошла какая-то женщина в длинной юбке и шляпке, лицом и фигурой отдаленно похожая на Джен, — видимо, ее сестра Сара. Побыла там какое-то время и вышла.

Затем туда быстро вошла молодая женщина в парике, полноватая, с красивыми чертами лица. Я решил, что это Ракед — ее дочка.

Затем в ICU вошел доктор Шварц. Приблизительно через полчаса он вышел и, увидев меня, сидящего в кресле, брезгливо скривился.

Я глядел ему вслед, и злая мысль шевельнулась в моем сердце. А ведь Джен столько лет была его любовницей! При этом целый год флиртовала со мной. И легла со мной в постель — из какой-то своей женской прихоти!

А если ее сын погибнет? Или выживет, но навсегда останется инвалидом? Я припомнил Маргарет, что с ней творилось после смерти ее сына! Да и вообще: что я здесь делаю? Какое отношение имею к ее горю? Мне надо готовиться к последнему экзамену. У меня самого забот — по горло. Нужно разобраться со своей жизнью.

Я сел в машину и завел двигатель. Я долго держал пластмассовую головку ключа, вставленного в замок зажигания. Говоря начистоту — я же никогда не любил Джен. Просто томился душевной скукой, одиночеством. Нужно было скрасить серые холостяцкие будни, хоть чем-то себя развлечь. Играл роль влюбленного принца... Фея-лебедь, Одетта, слетевшая корона...

Возле меня остановилась машина. Водитель спросил, не отъезжаю ли, не освобождаю ли место. Я внимательно посмотрел на него.

— Нет, не отъезжаю, — выключил двигатель. Снова вернулся в отделение для критических.

Судя по показаниям приборов, состояние Майкла ухудшилось. Возрос риск нового кровоизлияния. Медсестра чаще подходила к нему, проверяя датчики.

Лицо Майкла стало серее прежнего. И какая-то странная, холодная тень стала покрывать его.

Вокруг его кровати стояли несколько женщин и мужчин, судя по всему, самые близкие родственники.

Джен вся сжалась в комочек. В маленький серый комочек...

Не хочу вспоминать тот день, когда в похоронном доме, где собралось невероятное количество людей, раввин говорил о том, что даже Господь плачет сегодня, потому что Майкла больше нет с нами.

Раввин стоял за кафедрой, седобородый старик в черном костюме и шляпе. Он говорил на английском, иногда переходил на идиш или иврит.

А за окнами похоронного дома шел проливной дождь, и казалось, этот дождь будет лить и лить, пока не зальет всё вокруг и всё не уйдет под воду.

Отряхнув сложенные зонтики, в похоронный дом входили новые люди. Было много молодежи и детей. Было и несколько мне знакомых лиц — сотрудников госпиталя. Но большинство пришедших я не знал.

— Майкл был отличным парнем, добрым и скромным, честным и веселым, — говорил раввин. — Но Всевышний так рассудил, решив забрать Майкла от нас к Себе. И теперь весь Дом Израиля страдает, потому что Майкл больше не с нами. Ведь уход даже одного еврея — это трагедия для всего народа, и теперь наш народ разрушен, как некогда был разрушен наш Храм...

Раввин то и дело умолкал, его голос все чаще дрожал, было видно, что ему сейчас очень трудно все это говорить и подбирать слова утешения, потому что перед ним, завернутый в белую материю с вышитой серебристой звездой, стоял гроб, в котором лежал двадцатилетний парень.

Плачь, раввин, плачь! Ищи слова нашего примирения с жизнью и с Богом. Тебе тоже трудно сейчас. Потому что нет ответов у нас — за что и почему гнев Божий порой к нам так силен и страшен, сильнее Его великой милости к нам...

После молитвы мужчины подошли к стоявшему на тележке гробу и медленно покатали его к распахнутым наружным дверям, туда, где лил нескончаемый дождь.

Джен вела за гробом под руки две женщины. Она так кричала, что у меня до сих пор (даже когда я пишу эти строки) стоит в ушах ее крик и я вижу ее изуродованное мукой лицо.

Черное платье и распахнутый плащ съехали набок, черная шляпка слетела с ее головы в лужу. Джен наклонилась, чтобы шляпку поднять, затем вдруг села на корточки и кричала, кричала, обхватив голову руками.

Майкл! Майкл!..

Глава 13

Я пытался разузнать об этой трагедии все, что мог. Складывалась вот такая картина.

В тот злосчастный день Майкл вывихнул себе руку, поэтому за рулем его машины оказался Френсис. Водительские права у Френсиса были, но опыт вождения — минимальный. Они возвращались ночью из какого-то клуба в Гарлеме. Погода была дождливая, дорога скользкая. Вот парень и не справился с управлением. Причем скорость он не превышал, скрытая камера перед поворотом на Третью авеню показала, что «Тойота» Майкла ехала на допустимой скорости. На повороте водитель резко притормозил, машина пошла юзом, и ее, развернув, бросило на встречную полосу, по которой ехал автобус...

Френсис и Фрэн сидели спереди, были пристегнуты ремнями, вдобавок их уберегли воздушные мешки. А Майкл — сзади, пристегнут не был.

Френсис был абсолютно трезвым — ни алкоголя, ни травы, никакой другой наркотической дряни в его крови не обнаружили.

В общем, никто не виноват. Никто. Нет виновных. Так бывает. Но один — в могиле, а другой — в следственном изоляторе тюрьмы.

Возможно, обвинений Френсису не предъявили бы и его, недолго подержав и во всем разобравшись, освободили, если бы... он вдруг не заявил, что умышленно убил Майкла! И стал доказывать следователям, что намеренно создал аварийную ситуацию, специально развернул машину так, чтобы попасть под автобус и чтобы Майкл погиб.

Зачем он это сделал? Каковы мотивы? Якобы на почве ревности — ревновал Фрэю к Майклу. Еще Френсис уверял, что он член банды «Латин Кингз».

Допрашивают Френсиса, пытаются определить степень его вменяемости и разобраться, что в его словах правда, а что нет. Допрашивают Фрэю. Прокуратура

запросила в нашей клинике распечатки записей моих сессий с Френсисом. Так что следователи теперь читают всю его историю за последний год, как он хотел вступить в банду, резал себе руки и играл в панк-группе.

А для меня все было ясно и так: ни любовный треугольник, ни «Латин Кингз» к случившемуся не имеют отношения.

Во-первых, Фрэнэ лесбиянка и, по ее словам, с парнями ее связывала только дружба и музыка. Во-вторых, ни в какую банду Френсис не вступал. И в-третьих, он просто плохо водил машину.

Узнав, что Майкл погиб, Френсис был в шоке, испытал страшное чувство вины. Но вместо того чтобы трезво оценить ситуацию и понять, в чем он виновен, он стал придумывать истории с целью обмануть следствие. Он решил, что должен быть наказан тюрьмой, чтобы искупить свою вину. А потом и сам поверил в это и теперь верит, как фанатик, и от своих слов ни за что не откажется.

Все мои однокурсники, получив дипломы, суетились в поисках работы. Рассылали резюме, собирали рекомендации.

Я же свои поиски отложил на неопределенный срок. Полученный диплом с золотистой печатью валялся где-то в ящике вместе с неоплаченными счетами за коммунальные услуги и первым счетом долга за учебу.

Кое-как я наскреб денег на оплату квартиры за июль. Но чем буду платить в августе, понятия не имел. В крайнем случае, продам машину. А дальше?..

Но какая разница, что будет дальше? Я думал только о Джен, что с ней.

Несколько раз позвонил ей, оставив сообщения. Но она не ответила. В госпитале она взяла отпуск на три месяца «по состоянию здоровья».

Я тогда много времени проводил в Метрополитен-музее, в залах античного искусства рассматривал мраморные бюсты великих древних философов. Размышлял, стоит ли вообще искать работу. Стоит ли помогать больным людям? Стоят ли вообще чего-то все наши усилия, поиски, попытки делать карьеру, покупки новых вещей, машин, домов? Мы опутаны страшной суетой, мелочными заботами и условностями, смешными обидами, глупыми желаниями.

Что толку бороться, напрягаться, к чему-то стремиться, если все может разрушиться в мгновение ока, если чья-то жизнь может оборваться столь бессмысленно? Если даже Любовь бессильна?!

А потом случилось то, во что трудно поверить.

Джен сама пошла в полицию, а затем — к следователю, который занимался делом Френсиса. Как мать погибшего, она заявила, что не будет предъявлять Френсису обвинения в умышленном убийстве ее сына.

И это не все. Как психотерапевт с двадцатипятилетним стажем, наблюдавшая лечение Френсиса в продолжение последнего года, она подробно в письменном виде дала профессиональное объяснение, почему Френсис так упорно ищет себе наказания.

И это не все.

Джен добилась, чтобы ей устроили с Френсисом свидание. Там в присутствии охранников, адвоката и священника Джен сказала ему, что не считает его преступником: «Ты должен жить, быть свободным и счастливым. Ты ни в чем не виноват. Запомни это. И постарайся мне поверить». Подошла к нему, обняла и поцеловала его!

ПОДОШЛА И ПОЦЕЛОВАЛА УБИЙЦУ СВОЕГО СЫНА.

Чтобы уберечь хоть его.

Не знаю, как этот ее поступок стал известен многим. Об этом вскоре узнали и в госпитале, и написали в городском таблоиде. И сообщили даже по местному телеканалу.

Эпилог

Вечером я лежал на диване в своей квартире, просматривал новости в мобильнике.

Раздался звонок в дверь, столь неожиданный, что я вздрогнул. Для почты вроде бы поздновато. Сосед, что ли, опять обкурился травой и перепутал квартиру?

Я открыл дверь и... стоял, боясь шевельнуться, чтобы не спугнуть чудесное видение.

— Можно войти? Или ты так и будешь держать меня здесь, в коридоре? — спросила Джен.

Повесив плащ на вешалку, она прошла в комнату. Постояла у окна, затем изучила висевшие на стенах знакомые эскизы.

— Я вижу, появилось несколько новых картинок, — сказала она.

— Да, ты права, — подтвердил я, поразившись ее памяти.

На ней было длинное серое платье очень свободного кроя. Черную шляпку с головы не снимала.

Села в кресло и долго молчала.

— Ты слышал новость? На прошлой неделе Френсиса выпустили из тюрьмы, с него сняли все подозрения, — сказала она.

— Да, слышал. И очень этому рад.

— Он пообещал, что сочинит такую замечательную музыку, какую еще никто

никогда не сочинял, и посвятит ее своему брату — Майклу.

Я сидел на диване. Кусал губы. Хотел ей о многом сказать. О том, что я восхищаюсь ею. О том, что она — самая прекрасная женщина на Земле, о том, что...

— Выключи свет, — неожиданно попросила Джен.

Я подошел к выключателю, и после щелчка в комнате стало темно. Стоял у стены, смотрел на ее застывший силуэт.

— У меня будет ребенок, Виктор. Твой ребенок, — сказала она спокойно. — Ничего не говори. И не включай, пожалуйста, свет. Я еще не привыкла к свету, я еще в темноте...

* Непонятно, почему именно этой птице — кукушке, а не, скажем, журавлю или вороне, выпала честь угнездиться в американском психиатрическом сленге. Так, психически больного на жаргоне называют — «ку-ку»; психиатра — «ку-ку доктор»; дурдом — «ку-ку хауз» или «гнездо кукушки».